

немного. Погода стояла прелестная, тихая и теплая. Не смотря на 16-е января, въ 1 часъ пополудни термометръ въ тѣни показывалъ $+2,4^{\circ}$ а на солнцѣ $+10,5^{\circ}$. Рѣка Найджинъ-голь была совершенно свободна отъ льда, внизъ отъ 11,500 фут. абс. выс.

На слѣдующій день пришлось подниматься на переваль, который дѣйствительно оказался весьма крутымъ и каменистымъ. Онъ носитъ имя *Куку-томъ* и образуется осью хребта Торай, упирающеюся въ р. Найджинъ-голь. На противоположной сторонѣ этой рѣки примыкають здѣсь также крутыя горы; пройти по берегу невозможно. Самъ переваль возвышается надъ долиною Найджинъ-гола не болѣе какъ на тысячу футовъ; тѣмъ не менѣе, мы провозились здѣсь цѣлыхъ полдня. Усталые верблюды не могли взойти на гребень перевала — тому мѣшали крутизна и камни. Пришлось, поднявшись на сколько было возможно, развьючивать этихъ верблюдовъ и на себѣ носить вверхъ вьюки; затѣмъ тащить туда же, мѣстами на веревкахъ, наиболѣе слабыхъ верблюдовъ. Изъ послѣднихъ одинъ все-таки не могъ взойти и былъ отданъ монголамъ. — Спускъ съ Куку-тома оказался хотя также крутымъ, но мало каменистымъ; мы живо его прошли. На самомъ перевалѣ, какъ обыкновенно, стоитъ каменный ободъ.

Въ разстояніи 8 верствъ отъ Куку-тома намъ встрѣтилась р. Шуга, которая впадаетъ здѣсь въ Найджинъ-голь. Она имѣла не болѣе 7—8 сажень ширины и сплошь была замерзши; течеть, подобно Найджинъ-голу, въ корридорѣ, отвѣсныя бока котораго высятся сажень на 15; ширина же отъ одной стѣны до другой сажень 50 или 70. Спускъ въ такую ямину весьма крутъ; подъемъ былъ еще хуже. Дорога прокопана здѣсь въ отвѣсѣ берега какимъ то добродѣльнымъ ламою, по обѣщанію Богу, какъ сообщили наши спутники.

Дальнѣйшій путь по Найджинъ-голу уже не представлялъ трудностей; тропинка шла по правой сторонѣ рѣки, сначала близко, а потомъ вдали отъ нея. Обрывы берега были до того круты и отвѣсны, что мы, находясь возлѣ воды, не могли ея достать. Корма животнымъ также нѣ имѣлось; на глинистой почвѣ только кой-гдѣ росла корявая бударгана; прелестныя ключи съ ихъ лужайками теперь исчезли: окрестныя горы, какъ и прежде, были безплодны.

Пройдя весьма удобнымъ переваломъ *Гоно* черезъ небольшой выступъ крайнихъ горъ, мы ночевали на ключѣ *Унцукъ-булакъ*, который такъ запрятанъ, что его весьма трудно отыскать. Отсюда впереди уже виднѣлись терявшіяся въ мутной, пыльной атмосферѣ цайдамскія равнины. До нихъ оставался только одинъ, правда, большой переходъ, сдѣланный нами на